

ПЯТАЯ КНИГА СЕРИИ
«ПЯТЬ ПОПЫТОК ОСТАТЬСЯ

КОГДА ВОЛШЕБСТВО ПЕРЕСТАЛО БЫТЬ ЧУДОМ

НИКТО НИКОЛАЕВИЧ

Никто Николаевич

**Когда волшебство
перестало быть чудом**

«Автор»

2025

Николаевич Н.

Когда волшебство перестало быть чудом / Н. Николаевич —
«Автор», 2025

Заключительная книга цикла «Пять попыток остаться» Мир трескается — не потому, что рушится, а потому что начинает слышать. Не магию. А тебя. Это не просто финал истории — это последняя дверь, за которой начинается настоящее. Академия исчезает. Ученики уходят. Заклинания больше не работают. И только Лив — девочка, которая когда-то не умела говорить, — остаётся. Слово за словом. Шаг за шагом. С собой. Перед ней — выбор: быть спасённой или стать тем, кто спасает. Перед тобой — книга, в которой всё было сказано. Но самое важное — остаётся тебе дописать. Это история о чуде, которое мы искали в волшебстве. А нашли — в присутствии.

© Николаевич Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ	5
РАЗДЕЛ I. Мир трескается	7
Глава 1. Трещины в коридорах	7
Глава 2. Магия больше не слушается	10
Глава 3. Лив чувствует чужое сердце	13
Глава 4. Переключка: кто ты теперь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Никто Николаевич

Когда волшебство перестало быть чудом

ПРОЛОГ

Мир треснул не звуком – тишиной.

Сначала это была лишь едва уловимая вибрация – словно стекло, на которое кто-то смотрит слишком пристально. Потом – тонкий разрез в воздухе, едва слышный щелчок в пространстве между шагами, между словами, между снами. И наконец – шов на самой реальности.

Академия почувствовала это первой.

Она не была зданием в обычном смысле. Академия дышала. Снилось. Молчала в нужные моменты и отзывалась тем, кто был достаточно тих, чтобы её услышать. У неё не было окон – только порталы. Не было стен – только границы памяти. Те, кто поступал сюда, исчезали для внешнего мира. А иногда – и для себя.

Но в ту ночь, когда луна раздвинула тени, Академия зазвенела.

Это не был колокол. Это было имя. Чьё-то имя, которое мир пытался забыть, но которое всё ещё было вписано в структуру стены. Имена в Академии были фундаментом. Магия строилась на них. Но теперь что-то пошло не так: имена начали возвращаться. Даже те, что были вычеркнуты.

Старый Хранитель проснулся. Он не спал веками, но сейчас его глаза открылись – не потому, что было нужно, а потому что стало нельзя иначе. Он встал и почувствовал, как дрожит пол под ногами. Словно весь мир – не Академия, а сам мир – начинал шептать:

«Ты помнишь нас?»

Он не знал, кого именно помнит. Но он знал: кто-то возвращается. Не живой. Не мёртвый. А тот, кто был стёрт.

В это же утро Лив стояла на пороге Центрального Зала. За её спиной были крылья – не в прямом смысле, но в том, как она держала спину. Перед ней – дверь. Та самая. Главная. Та, которую нельзя было открыть, пока ты не назовёшь своё имя вслух.

Она уже могла говорить. Голос вернулся к ней не как подарок, а как последствие. Когда-то молчание было её защитой. Теперь – её слабостью. И её силой одновременно.

Слово, которое она собиралась произнести, не было её именем. Оно было вопросом. Или заклинанием. Или прощанием.

Она ещё не знала.

Мир внутри Академии начал меняться незаметно.

Сначала заклинания перестали отвечать. Простые слова – вроде «запомни», «исчезни», «остановись» – перестали иметь власть. Потом залы начали путать архитектуру: комната, в которую ты заходил, становилась иной, когда ты из неё выходил. Портреты на стенах двигались, даже если никто не смотрел. А потом начались имена.

Имена начали звучать сами. Без призыва. Без заклинаний. Иногда – шёпотом. Иногда – в стенах. Иногда – в тебе.

Хранитель записывал их. Но чернила исчезали. Бумага обугливалась. Имена возвращались – но не хотели быть записанными. Они хотели быть признанными.

Тем временем в одном из южных крыльев, в зале без потолка, ученик по имени Ран смотрел в небо, которого никогда не было. Небо там – это была память. Каждый день оно менялось, отображая то, что кто-то вспомнил. Сегодня небо было красным. Как стыд. Как ярость. Как любовь, которую вычеркнули.

Ран чувствовал, что Академия приближается к концу. Но впервые за долгое время – он не боялся. Он чувствовал, что если всё исчезнет – он останется. Не как тело. А как взгляд. Он хотел быть тем, кто увидит всё до конца.

Академия дрожала все сильнее. В пространстве между башнями появилась первая трещина – не материальная, но чувственная. Там, где обычно была стена, теперь чувствовалось **отсутствие**. Как если бы кто-то ушел, но не оставил за собой следа. Тень без тела. Слово без смысла.

И в этой пустоте впервые за века зазвучал голос:

«А что, если чудо – это не магия? А просто то, что ты есть?»

На нижнем уровне, в зале с зеркальным полом, в который никто не спускался, потому что он отражал не внешность, а правду, проступили шаги. Без тела. Следы, ведущие от центра к выходу.

Кто-то выходил оттуда. Или входил.

Никто не знал, кого ждать. И нужно ли ждать вообще.

Хранитель закрыл последнюю книгу. Ту, в которой был перечёркнут каждый из бывших учеников. Он провёл рукой по корешку. И книга исчезла. Не сгорела. Не рассыпалась. Просто – перестала быть нужной.

Потому что теперь каждый будет вписан заново.

Словом. Поступком. Тишиной.

А Лив сделала шаг вперёд.

Дверь перед ней не открылась. Потому что дверь – это не створки. Это момент.

Она вдохнула и сказала:

– Я здесь.

Мир чуть дрогнул. И треснул.

Но на этот раз – **изнутри**.

И из этой трещины пошёл свет.

Так началось не разрушение.

А возвращение.

Но никто – даже Лив – ещё не знал, **во что именно**.

РАЗДЕЛ I. Мир трескается

Глава 1. Трещины в коридорах

Академия начинает разрушаться. Всё, что было забыто – хочет вернуться. Трещина появилась утром.

Никто не знал точного времени – в Академии часы шли по настроению стен, а не по правилам физики. Но Лив проснулась именно в тот момент, когда на полу у ее кровати появилась тонкая серебристая линия. Словно паутина, отразившая свет неизвестного источника.

Она не испугалась. Не отпрянула. Просто села на кровати и посмотрела вниз.

Трещина не была в материальном. Она была – в восприятии. Пол остался цел, но... знал, что он больше не цельный. Как будто его поймали в раздумье.

Лив наклонилась и дотронулась до пола. Он был теплым, как всегда. Но подушечками пальцев она почувствовала что-то большее – **эхо**. И не своё.

Трещина дышала.

Она слышала.

И хотела, чтобы её услышали в ответ.

По коридорам Академии поползли шёпоты. Они не доносились из уст учеников или преподавателей – они витали между колонн, просачивались из-за дверей, шли от ступеней. Кто-то бормотал имена. Но не те, что знали в расписании.

Те, кто исчезли.

Имена, которых не должно было быть.

– Рейна...

– Эли...

– Джоэль...

– Ника...

– Л... л... лив...

Последнее имя заставило Лив остановиться. Шёпот прозвучал не снаружи, а **внутри неё**. Словно кто-то говорил её имя, не зная, что оно её. Как будто искал.

Она прислонилась к стене и та отозвалась вибрацией. Не болью. Не холодом. – **Признанием**.

Словно говорила: «Да. Ты – одна из нас».

Старый Хранитель брёл по восточному крылу, опираясь на свой посох, который никогда не касался пола. Он знал: что бы ни происходило – это не впервые. Он жил достаточно долго, чтобы помнить: Академия уже однажды треснула. Но тогда они выбрали забыть. Вычеркнуть. Стереть.

– И теперь всё возвращается, – пробормотал он. – Всё, что мы не хотели слушать.

Он остановился перед заколоченной дверью – той, которую никто не открывал с момента Исчезновения. Табличка давно стерлась, но пальцы Хранителя сами нашли ее рельеф. Там было имя. Его невозможно было прочесть – но можно было почувствовать.

И оно дышало. Словно ждало, что его назовут.

Лив шла по коридору, и каждый шаг отзывался эхом, которого не было. Коридор был знакомым, но он пытался быть другим. Стены будто изгибались под углом, которого не существовало. Картина, висевшая на стене – старая сцена из зала выпускников – изменилась. Лица на ней начали двигаться. Но не как в волшебных иллюзиях – а как будто кто-то **помнил** себя в этой сцене и хотел вернуться в неё.

Она подошла ближе. Там был мальчик с медными глазами. Его никогда не было в Академии. Она была уверена. И всё же... она **знала** его взгляд. Он смотрел сквозь стекло прямо в неё. Не умоляюще. Не обвиняюще. – Просто, как будто ждал.

– Кто ты? – спросила она.

И картина дрогнула. Треснула.

Изображение пошло рябью и исчезло.

На стене осталась пустота. Только гвозди.

В других залах происходило странное. Ученики забывали имена преподавателей. Преподаватели не узнавали друг друга. Ключи не подходили к дверям, к которым были созданы. Один мальчик прошёл сквозь зеркало, как будто так и было задумано. Девочка, разговаривая со своей тенью, узнала, что у неё был брат. Только она его никогда не помнила.

Всё, что было забыто – **начало возвращаться**. Не в прежнем виде. Не в хронологии. А в чувствах, в совпадениях, в ощущениях, в трещинах.

Академия не ломалась – **она просыпалась**.

На пересечении трёх крыльев стояла фигура. Тень без тела. Или тело без имени. Её никто не замечал. Но все чувствовали. Она наблюдала. Без глаз. Она двигалась. Без звука.

Её никто не называл.

Но она была.

И была давно.

Лив дошла до Внутреннего Колодца. Там, где вода не отражала небо, а отражала сны. Обычно поверхность была спокойной. Но сегодня она вибрировала. Пульсировала.

Она посмотрела вниз – и увидела себя. Но не в настоящем. Не в прошлом. А в каком-то возможном времени. Без Академии. Без магии. Просто она. Девочка. Женщина. Кто-то.

– Что ты видишь? – спросил голос рядом.

Она обернулась – и никого не было. Только камень. Только трещина в его центре.

– Себя, – прошептала Лив. – Или то, что осталось.

Вода зазвенела.

И показала еще лица.

Множество. Те, кто были. Те, кто забыты.

Они смотрели на неё. Не с упреком. С ожиданием.

Старый Хранитель сидел на ступенях зала Надписей. Там, где раньше писали формулы магии, теперь появлялись фразы, которых никто не произносил:

«Они не ушли. Они просто стали тишиной.»

«Имя – это не то, что тебе дали. Это то, что ты выбрал услышать.»

«Когда исчезает магия – начинается настоящее.»

«Ты не один. Просто тебя долго никто не звал.»

Он не знал, кто писал это.

Но знал: скоро кто-то произнесет главное имя.

Тот, кого все боялись назвать.

Потому что если его назвать – придётся вспомнить всё.

Лив вернулась в свою комнату.

Трещина у кровати теперь пересекала всю стену.

И в ней... что-то двигалось.

Она не пугалась. Она ждала.

И в какой-то момент она поняла: трещина не в коридоре.

Трещина – в ней.

Между тем, кем она была, и тем, кем могла быть.

Между магией, которую ей дали, и голосом, который принадлежал ей.

Она подошла ближе. Прислонилась лбом к стене.

– Я не боюсь, – прошептала она.

И услышала в ответ:

– Тогда заходи.

В эту ночь Академия не спала.

Стены дрожали. Воды пели. Воздух был полон слов, которые никто не произносил.

А в центре, где сходились все коридоры, трещина наконец прорвалась.

И из неё – **никто не вышел**.

Потому что он уже был здесь.

Глава 2. Магия больше не слушается

Слова, жесты, заклинания – не работают. Мир требует настоящего.
Сначала подумали, что это сбой.

Магия всегда была послушной – вежливой, грациозной, почти автоматической. Достаточно было правильного слова, жеста, интонации. Заклинание работало, как открывание двери: ключ, замок, щелчок. Всё.

Но теперь щелчка не было.

Были только паузы.

И – странная тишина, как будто сама магия отвернулась.

В классе пространственных переходов профессор Йейн застрял в середине портала. Его пальцы, протянутые в воздух, остались в прежней комнате, а тело уже шагнуло в следующую. Он застыл. Не в ловушке. **В сомнении.**

– Заклинание не откликается, – прохрипел он. – Оно не узнало меня.

Ученики за его спиной пытались произнести стабилизирующие слова. Но они звучали как пустой звук. Слово «связь» рассыпалось на языке, словно песок. Жесты – привычные, отточенные – не вызвали даже искры.

Йейн вышел из портала сам. Просто вышел. Без магии. Шагнул, как обычный человек.

Он посмотрел на учеников.

– Всё меняется, – сказал он. – И мы больше не управляем.

В кабинете звукопластики ученица по имени Орлия пела. Раньше её голос вызывал дождь, волнение на воде, трепет в стеклянных стенах. Теперь – тишина. Воздух не отвечал. Волны не пошли.

Зато посреди комнаты появилось эхо. Не её. Чужое.

– Не пой, – прозвучало из воздуха.

Орлия замерла.

– Кто ты? – прошептала она.

– Ты, если перестанешь притворяться, – ответила пустота.

Она замолчала. И впервые за годы заплакала без разрешения.

В зале Слова ученики пытались соткать пространство из заклинаний. Формулы не складывались. Слова исчезали с пергамента сразу после написания. Голос охрип после двух повторов.

Мальчик по имени Сэно сказал:

– Может, слова устали от нас?

– От чего?

– От того, что мы в них не верим.

Лив сидела в своей комнате, наблюдая, как заклинание «свет» больше не включало свет. Оно просто звучало. Как красивое, бесполезное слово.

– Свет, – повторила она.

– Свет, – отозвалась тишина.

Она попробовала жест.

Тот, что вызывал тепло. Раньше от ладони расходилось мягкое свечение. Сейчас – только **ощущение тепла внутри**, но не снаружи.

И вдруг она поняла: магия **не исчезла**.

Она просто **стала другой**.

Больше не инструментом.

Не функцией.

А... откликом.

Ты не мог вызывать магию – ты мог только **стать чем-то**, на что магия отзывается. Не говорить «огонь» – а быть огнём. Не приказывать «исчезни» – а **отпустить**.

И если ты не настоящий – мир молчит.

В подземных залах заклинания замерли в воздухе, как замороженные птицы. Они не падали. Но и не летели. Просто стояли – буквы, руны, звуки. Висящие в пространстве.

Одна из учениц подошла ближе. Коснулась пальцем одного знака. И он шевельнулся. Осторожно. Словно ожил.

Но вместо вспышки – он превратился в **вопрос**.

В воздухе повисло:

«Ты правда хочешь этого?»

Она отпрянула.

И впервые за всё время поняла: магия всё это время **не спрашивала**.

А теперь – начала.

Профессор Даллем попытался восстановить порядок.

– Повторим основы! – командовал он. – Иницилирующее слово, формула, подстройка!

Он поднес руку к пустой доске. И сказал:

– «Распахнись!»

Тишина.

– «Вспомни!»

Пыль. Только пыль.

Он взмахнул рукой – и жест был красив, изящен. Но ничего не произошло.

А потом произошло **внутри него**.

Словно заклинание ударило в обратную сторону. В грудную клетку. В память.

Он вспомнил ученицу. Маленькую. Ту, которая исчезла. Которую вычеркнули. Которой не поверили.

И его голос дрогнул.

Он понял: пока **не вспомнишь** – не работает ничего.

Старый Хранитель поднялся в купол Академии.

Там, где собиралась вся тишина.

Он смотрел на город, раскинувшийся вдалеке. И чувствовал: там магия **тоже молчит**. Заклинания в домах – больше не удерживают тепло. Амулеты – не защищают. Волшебные письма – не доходят. Всё, что было прикрытием – больше не работает.

Мир требовал не слов.

А присутствия.

– Настоящего, – прошептал он.

Лив вышла в зал, где стояли каменные статуи. Они обычно отвечали, если назвать своё имя. Сейчас – молчали.

Она подошла к одной из них. Женщина с закрытыми глазами. На её груди – символ ветра.

– Кто ты? – спросила Лив.

Статуя не ответила.

– Я Лив, – сказала она.
Статуя дрогнула.

Но не потому что имя было верным.
А потому что Лив произнесла его **как себя**, а не как формулу. Без намерения. Без магии.
Просто – как факт.
Женщина в камне открыла глаза.

И прошептала:
– Наконец.
В другом крыле Академии одна девочка стояла у старого зеркала. Оно всегда показывало возможные исходы. Теперь оно показывало только **её лицо**.
– Покажи, кем я стану, – попросила она.
Тишина.
– Покажи, кем я могу быть...
Ничего.
– Покажи хоть что-нибудь!
Зеркало запотело.
На стекле проступили слова:
«Будь.»
Мир в Академии больше не подчинялся словам.

Он ждал.

Он вслушивался.

Он перестал **служить**.
И начал **слушать**.
В Главной Башне отключился свет – хотя магия его поддерживала. Преподаватели вышли с фонарями, зажигали свечи. И впервые за многие годы **видели друг друга в темноте**.
– Что это? – прошептала одна.
– Может быть, правда, – ответил другой.
Хранитель вышел к озеру.
Он набрал воды в ладони. Раньше это вызывало дождь.

Теперь просто – вода.

Простая. Тёплая. Живая.
Он улыбнулся.
– Ну, здравствуй, реальность, – сказал он.
И вода ответила теплом.
Без магии.
Но **настояще**.
В этот день никто не творил чудес.

Зато впервые за долгое время **все были собой**.
И это было куда страшнее.
И куда сильнее.

Глава 3. Лив чувствует чужое сердце

Границы между «я» и «другими» стираются.
Это началось с прикосновения.

Маленького, случайного. Рука к перилам. Но перила вдруг стали теплее – как будто кто-то другой держал их перед ней. И в этот момент Лив ощутила **волнение**. Чужое. Сильное. Рывками. С отголоском – будто человек сжимал руку, чтобы не выдать дрожь.

Она убрала ладонь.

И сердце зашлось.

Словно внутри неё кто-то рыдал.
Но слез не было.
Она не сказала об этом никому. Пока.

Но чем дальше, тем страннее становилось её восприятие.

Вечером, проходя мимо кухни, она услышала разговор между двумя учениками – и вдруг почувствовала **обиду** одного из них, будто её собственную. Причём раньше, чем слова прозвучали.

На следующее утро, идя по лестнице, она внезапно затаила дыхание – без причины. А потом узнала, что в тот момент одна из учениц на верхнем этаже упала и не могла дышать.

Она не видела её. Не знала. Но **чувствовала**.

Словно между Лив и остальными больше не было стекла. Только тонкая вуаль. Или ее уже тоже не было.

– Ты бледная, – сказал Сэно. – Как будто тебя нет.

– Может, и нет, – ответила Лив.

Они сидели в зале ожиданий, где обычно ничего не происходило. Комната сама по себе не была магической. Просто место, где ждёшь. Но именно в этом зале Лив чувствовала больше всего. Словно комната собирала чужие мысли и аккуратно хранила их, как облака перед грозой.

– Ты когда-нибудь чувствовал других? – спросила она.

Сэно пожал плечами.

– Нет. Только если сильно сопереживаю.

– А если ты вдруг чувствуешь чью-то боль до того, как увидел?

Он посмотрел на неё. Внимательно.

– Ты начинаешь слышать?

Лив не знала, как ответить. Это не было слухом.

Это было **телом**. Кожей. Сердцем.

Словно граница между вот я и вот другой начала таять.

В библиотеке она прикоснулась к книге и отпрянула. Книга звенела страхом. Не страницами. **Самой памятью**.

Как будто её когда-то держал человек, который боялся, что его разоблачат. И Лив вдруг поняла: книга ничего не передаёт – **она запомнила то, как её держали**.

Теперь всё вокруг отзывалось памятью других.

Ложки. Двери. Одежда. Подушки.

Однажды она надела чужой плащ – и увидела сцену: мальчик, бежавший по лестнице, падение, кровь, не было помощи.

И она заплакала. Так, как будто это было с ней.

– Что со мной происходит? – спросила она у воды.

Воды, которая когда-то отражала сны.

Теперь вода была мутной.

Но в мутной поверхности показались глаза. Чужие.

Не страшные. Просто другие.

– Ты начинаешь быть, – сказала вода. – Поэтому тебя стало много.

– Много?

– Ты – это не только ты. Ты – это то, с чем соприкасаешься.

– Это небезопасно.

– Это правда.

В классе Тихих Практик преподаватель задал задание: послушать, не слушая. Почувствовать, не трогая.

У Лив получилось.

Она услышала дрожь в ногах соседа по парте – страх быть непонятым.

Она почувствовала стыд девочки слева – даже не зная почему.

И вдруг – резкий укол в груди.

Слёзы.

Слёзы того, кто даже не плакал.

Лив больше не могла различить: где её чувства, а где чужие.

Она пошла к Стене Забвения – месту, где раньше стертые имена можно было «оставить» навсегда.

Теперь стена треснула.

И в трещинах – били сердца.

Не как звук.

А как пульс.

Лив приложила ладонь.

И на секунду исчезла.

Она была стариком, который скучал по дочери.

Она была девочкой, потерявшей память.

Она была тенью, которую никто не звал по имени.

А потом вернулась.
Тело дрожало.

Сердце билось в три ритма одновременно.
– Ты не справишься, – прошептала она себе.
– Справишься, – прозвучало в ответ.

Но голос был не её.
Она обернулась.
Там стояла та же фигура. Тень, которую она видела у Колодца.
– Кто ты? – спросила Лив.
– Ты, если не отгородишься.
– Я боюсь исчезнуть.
– Тогда будь всем сразу.
На следующий день Лив шла по Академии.

И чувствовала: каждый, кто проходил мимо, оставлял в ней что-то.
Страх.

Надежду.

Желание.

Песню.

Усталость.

Вопрос.
Она не могла защититься.

Но и не хотела.
Потому что поняла: быть живой – это не быть собой в вакууме.

Это быть собой в переплетении.
Когда Хранитель встретил её в зале Эхо, он посмотрел с тревогой.
– Ты раскрылась, – сказал он.
– Я больше не одна.
– Но ты и не они.
– А почему надо выбирать?
Он не ответил.
В ту ночь Лив проснулась – и поняла: кто-то **плачет**.

В другом крыле. Может, в другой комнате.

Она чувствовала это **в груди**.
И она пошла.
Нашла ученицу, свернувшуюся клубком.

Та не звала. Не кричала. Просто дрожала.

Лив села рядом.

Не сказала ни слова.

Просто легла рядом.

И та перестала дрожать.

– Ты... чувствуешь? – прошептала та.

– Да, – сказала Лив.

– Спасибо, что не испугалась.

– Я боялась. Но осталась.

С тех пор Лив перестала отделять себя.

Она была и сердцем, и эхом, и вопросом.

Мир трескался.

Но она слышала.

И впервые – была услышана.

Глава 4. Перекличка: кто ты теперь

Ученики называют свои имена – и никто не повторяется.
Идея провести перекличку пришла не от преподавателей.

Не от Хранителя.

Не от Академии.
Она возникла **в воздухе**.

Просто – возникла. Как зов.

Как зов изнутри.
Никто не объявил сбор.

Но все пришли.
Зал был старый, давно не использовавшийся.

Когда-то здесь принимали экзамены на право говорить заклинания вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.